

Дело о сбежавшем зеркале

Отдел „Тихий ужас“

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о сбежавшем зеркале

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о сбежавшем зеркале / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В антикварном магазине на Гагарина, 3 пропало зеркало. Старинное. В резной раме. Висело в подсобке. Отдел номер семь приезжает на «дело о краже» и почти сразу убеждается: кражи не было. Дверь цела. Окно цело. Сигнализация не сработала. А потом зеркало находится. В парикмахерской через две улицы. Висит, стоит, работает. Консультирует клиенток по причёскам.— Вам идёт каре. Нет, не это. Другое каре. Отдел впервые за всю серию получает дело, где никто не пострадал, ничего не украдено и во всём виновата барышня из XIX века, которая устала стоять в подсобке и хочет наконец выйти замуж. Зеркало путешествует по другим зеркалам города: сегодня в парикмахерской, завтра в фотоателье, послезавтра — у кого-то в квартире, где оно намекает хозяину, что тот неправильно живёт. Синичкина — впервые в серии — сочувствует преступнику. Орлов это замечает. И — молчит. Кулибин фотографирует зеркало. На фото — он сам. Молодой. С сигаретой. В пиджаке. Такого Кулибина не помнит никто.

Содержание

Глава 1. Зеркало, которое ушло	5
Глава 2. Парикмахерская «Милая»	8
Глава 3. Путешествие по зеркалам	11
Глава 4. Синичкина и барышня	13
Глава 5. Две недели	15
ЭПИЛОГ. Музей на Гагарина, 15	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дело о сбежавшем зеркале

Глава 1. Зеркало, которое ушло

Антикварный магазин на Гагарина, 3 назывался «Старые вещи». На вывеске мелко было выбито: «ПРЕДСКАЗАНИЯ. АМУЛЕТЫ. ТРАВЯНОЙ ЧАЙ». Ниже — крупнее: «Скупка и продажа антиквариата». Ещё ниже — совсем мелко: «Осторожно, порог».

Орлов вошёл первым. За ним — Синичкина, Муромцев, Кулибин, Дроздов, дракон. Громобоев остался на крыльце — «я тут посторожу». Тимофей шёл сам, без переноски.

Внутри пахло лавандой и пудрой. Было тесно, как в старом фотоальбоме: витрины, полки, стопки книг, сундук, медные тазы, три куклы, патефон, будильник, который тикал на полсекунды медленнее всех остальных будильников. На прилавке — чашка травяного чая.

Продавщицу звали **Вероника Львовна**. Ей было сорок пять. Шаль, перстни, серьги-каффы, тонкая улыбка человека, который на всякий случай знает больше, чем говорит.

Она не встала. Она сказала:

— А, наконец-то. Я вас ждала.

— Почему? — спросил Орлов.

— Потому что я подала заявление две недели назад, — сказала Вероника Львовна. — Оно у вас с двадцать первого. А сегодня двадцать девятое. Вы пришли на девятый день.

— Откуда вы знаете? — спросил Орлов.

— Я медиум, — сказала Вероника Львовна.

— Ясно, — сказал Орлов. — Где зеркало?

Вероника Львовна поставила чашку.

Она встала.

Она повела их в подсобку.

Подсобка была маленькая. Три шага туда, три обратно. Полки. Коробки. Пахло мышами и слежавшейся бумагой. На стене — крюк. На крюке — **ничего**. Рядом с крюком — гвоздь. На гвозде — **тонкая, выцветшая ленточка с бантом**. Под крюком — **тонкая косая тень**, лежащая на стене в форме овала. Как будто зеркало стояло здесь долго, а потом **взяло и встало**.

— Оно тут висело? — спросил Орлов.

— Тут.

— Кто последний его видел?

— Я, — сказала Вероника Львовна. — В понедельник. В семь вечера. Я закрылась, погасила свет, ушла. Утром пришла — рама на месте, на крюке, а зеркала в раме нет.

— То есть рама на месте.

— Да. Рама на месте. Стекло — ушло.

— Как стекло может уйти из рамы? — спросил Дроздов.

— А как человек может уйти из дома? — сказала Вероника Львовна. — Вот так. Взяло и ушло.

— Вероника Львовна, — сказал Орлов. — Зеркало пропало. Мы в отделе «Тихий ужас». Мы знаем, что бывает всё. Но у нас есть десять экспертиз и один протокол. Вы понимаете, о чём я.

Вероника Львовна смотрела на него.

Потом сказала:

— Хотите — я вам покажу.

— Что?

— Что оно ушло. Не «украли». Не «вынесли». Ушло. Вот.

Она подошла к стене. Она положила ладонь на тонкую овальную тень. И сказала:

— Тёплое.

Орлов сам подошёл. Положил ладонь. На секунду замер.

— Тёплое, — сказал он.

Синичкина подошла. Положила ладонь. Замерла.

— Тёплое, — сказала она.

Кулибин подошёл. Снял очки. Подержал руку над тенью. Потом сказал:

— Не тёплое. **Живое**. Дайте прибор.

Прибор-чайник он вынул из сумки. Навёл на тень. Прибор засветился — слабо, розовато.

Кулибин посмотрел на него.

— Вот это, — сказал он, — я не видел ни разу.

— Что это? — спросил Дроздов.

— Это **остаток**. — Кулибин убрал прибор. — Как запах. Только не в воздухе, а в стекле.

Оно тут стояло. И оно тут **жило**.

Тимофей прошёл в подсобку. Запрыгнул на полку. Сел рядом с тенью. Посмотрел на неё. Долго. И — не отвернулся. Наоборот — он к ней подошёл ближе. Лёг. Как будто рядом с кем-то, кого знает.

— Кот признал, — сказал Муромцев.

— Что он признал?

— Что там кто-то был. И что этот кто-то — свой.

— Вероника Львовна, — сказал Орлов. — Что за зеркало было?

— Семнадцатый век, — сказала Вероника Львовна. — Итальянская работа. Рама — ореховая. Стекло — венецианское. Хозяин — барышня. Из Тихогорска. Гостила в Венеции, привезла. Умерла в Тихогорске в тысяча восемьсот девяносто первом. Зеркало осталось. Дальше — как все зеркала. Переходило из рук в руки. Последние семьдесят лет — у меня. В подсобке. За рамой.

— За рамой?

— Висело как зеркало. А было — не как зеркало.

— Что в нём? — спросил Орлов.

Вероника Львовна посмотрела на него.

Потом сказала:

— Барышня.

Глава 2. Парикмахерская «Милая»

Утром следующего дня в отдел пришёл звонок.

Звонила директриса парикмахерской «Милая» — Тамара Феликсовна Пузырёва. Она сказала ровно следующее:

— У меня в салоне завёлся зеркало, которое говорит.

— Что говорит? — спросил Орлов.

— **Советы**, — сказала Тамара Феликсовна. — Стрижки. Оно советует девушкам стрижки. Мы его сначала не заметили. Повесили, потому что оно подходит по стилю. А потом оно начало **разговаривать**.

— Как разговаривать?

— Голосом. Женским. Тонким. С акцентом. **Старинным**. Вот вчера оно говорит: «Вам идёт каре». Девушка стрижётся. Оно говорит: «Нет, не это. Другое каре». Мы ей делаем другое каре. Оно говорит: «Вот. Теперь можно выходить замуж».

— И она вышла?

— Она **познакомилась**, — сказала Тамара Феликсовна. — Вчера. В трамвае. С инженером. Он, оказывается, тоже любит другое каре.

— Адрес? — спросил Орлов.

— Гагарина, 9, — сказала Тамара Феликсовна. — Через две улицы от «Старых вещей». Я узнала от Вероники Львовны. Она мне как раз звонила утром. Сказала: «твое зеркало — это моё зеркало». Я сначала не поняла, а потом посмотрела в него — и поняла.

Через час отдел был на месте.

Парикмахерская «Милая» была маленькая: два кресла, три сушилки, полка с шампунями, стенка с зеркалами. Из стенки с зеркалами **одновыбивалось**. Оно было **старинное**, в ореховой раме, с венецианским стеклом. Оно висело криво. Как будто повесилось само.

Орлов вошёл. Все вошли за ним.

В зеркале отразилась парикмахерская. И никто лишний.

Орлов посмотрел в зеркало.

Зеркало посмотрело на Орлова.

Потом — голосом тонким, женским, с очень старинным, немножко не нашим выговором — сказала:

— Здравствуйте. Вы пришли за мной?

— Да, — сказал Орлов.

— Тогда садитесь. — Зеркало помолчало. — Вам идёт быть майором. Только пиджак снимите. Он вас старит.

Дроздов отвернулся. Муромцев кашлянул. Синичкина — не удержалась — улыбнулась. Улыбнулась и посмотрела на Орлова. Орлов смотрел на зеркало.

— Мы из отдела номер семь, — сказал он.

— Я знаю, — сказала зеркало. — Я слышала о вас. Дом на Пожарной. Типография на Заводской. У вас хорошая репутация среди тех, кто **стоит на месте**. Особенно среди тех, кто **не хочет стоять**

— Вы барышня? — спросил Муромцев.

— Да, — сказала зеркало. — Я **барышня**. Меня зовут **Евдокия Саввишна Ремизова**. Из Тихогорска. Я умерла в тысяча восемьсот девяносто первом году. Всю жизнь я хотела одно: выйти замуж. За хорошего человека. Не вышла. Умерла одна. Зеркало — моё. В нём я живу.

— И вы решили выйти замуж сейчас? — спросил Дроздов.

— Не сейчас, — сказала зеркало. — **Всегда**. Я в этом зеркале сто двадцать восемь лет. Сто тридцать лет я стояла в подсобке. Понимаете? — Оно помолчало. — Я устала стоять. Я хочу **посмотреть мир**. И, если можно, найти мужа.

— Мужа? — переспросила Синичкина.

— Мужа, — подтвердило зеркало. — Не зеркало. Не предмет. Мужа. **Человека**, который меня полюбит такой, какая я есть.

Синичкина посмотрела на Орлова.

Орлов — на Синичкину.

Никто ничего не сказал.

Зеркало помолчало и добавило:

— Если вы пришли меня забрать — заберите. Я не сопротивляюсь. Но сначала дайте мне **две недели**. Я обещаю: я никого не обижу. Я, наоборот, помогу. Я уже помогла девушке вчера. И ещё троим. И одной даме. Она у нас вчера развелась. Я ей сказала: «Вам идёт не этот муж. Другой муж». Она ушла. Сегодня она мне позвонила. Сказала: «Спасибо». Я сказала: «Пожалуйста». Мы с ней похожи.

— А если мы вас заберём? — спросил Орлов.

— Тогда я опять буду стоять в подсобке, — сказала зеркало. — Ещё сто тридцать лет. Я не жалею. Я просто **спрашиваю**.

Орлов молчал.

Синичкина — нет.

Синичкина сказала:

— Две недели.

Орлов посмотрел на неё.

Синичкина посмотрела на Орлова.

Орлов не сказал ничего.

— Две недели, — сказал он наконец. — С условием. Вы — никого не пугаете. Не переставляете ничего без разрешения. Не говорите клиентам того, чего им не надо. И **никуда не уходите** без звонка.

— Согласна, — сказала зеркало. — Могу я тогда попросить одну вещь?

— Какую?

— Дайте мне номер вашего отдела. Я буду звонить. Чтобы вы не волновались.

— Дадим, — сказал Орлов. — Дроздов, дай номер.

Дроздов отошёл, положил номер на столик. Зеркало посмотрело на бумажку.

— Спасибо, — сказала зеркало. — Вы очень добрые. У вас хорошая работа. Кстати, — оно посмотрело на Синичкину. — Вам идёт пучок. Только не такой. **Другой** пучок.

Синичкина тронула свой разваливающийся пучок.

Ничего не ответила.

Глава 3. Путешествие по зеркалам

За две недели зеркало сменило пять мест.

Первый день оно провело в парикмахерской. Второй — в фотоателье на Сакко, где его повесили в примерочной, и оно объясняло невестам, какая фата им идёт. Третий — в квартире на Калинина, у женщины, которая сорок лет прожила с мужем и впервые за сорок лет услышала от кого-то: «вы правы». Четвёртый — в троллейбусном депо, где его водитель Вася нашёл на стене у раковины и принёс домой. Пятый — снова в парикмахерской. Шестой — у **Кулибина**.

Кулибин обнаружил его случайно.

Он пришёл домой. Зеркало висело в прихожей. Он его не вешал. Он купил квартиру двадцать лет назад, зеркало уже было там. Тридцать сантиметров на сорок. Простое. Обычное. Он в него никогда не смотрелся — не любил.

В тот вечер он посмотрел.

И увидел себя **молодым**.

Он был в пиджаке. С сигаретой. Ему было двадцать три. Он был худой. У него были волосы — густые и тёмные. У него не было очков. Он улыбался.

Кулибин отшатнулся.

Он взял прибор-чайник. Он навёл на зеркало — оно засветилось розово, как тогда, в подсобке. Он взял фотоаппарат. Он снял зеркало. Он проявил пленку — он всегда проявлял сам, у него была в кладовке лаборатория.

На фотографии был он. Молодой. Двадцать три. С сигаретой. В пиджаке. Улыбающийся.

Он вернулся в прихожую.

Зеркало висело криво.

Он сказал:

— Это ты.

— Да, — сказала зеркало. — Это я.

— Зачем?

— Просто. — Пауза. — Вам было хорошо тогда. Молодым. У вас была одна девушка. Вы её бросили. Вы думаете о ней каждый день. Она умерла в две тысячи четвёртом. У неё была

дочь. Дочь живёт в Новочеркасске. Она вас не знает. Но вы её один раз видели. В две тысячи восьмом. В очереди в аптеке.

— Откуда ты знаешь?

— Я зеркало, — сказала зеркало. — Я знаю всё, что **отражалось**. Хотите, я вам скажу, зачем вы стали криминалистом?

— Не надо.

— Хорошо. — Зеркало помолчало. — Простите. Я не хотела лезть. Я просто **устала стоять**. Иногда я говорю лишнее. Мне уже сто тридцать лет. Мне хочется поговорить.

Кулибин подошёл. Снял зеркало со стены. Поставил его на стол. Сел напротив.

— Скажи, — сказал он. — Ты правда хочешь выйти замуж?

— Правда.

— За кого?

— Не знаю, — сказала зеркало. — За хорошего. За того, кто меня полюбит такой, какая я есть. Я не капризная. Я могу жить в прихожей. Могу в спальне. Могу на кухне. Мне всё равно. Мне только надо, чтобы мне **говорили** что-нибудь. Хоть иногда.

— Ты пробовала?

— Пробовала. — Зеркало вздохнуло. — Я влюбляюсь в каждого. В парикмахерской влюбилась в водителя троллейбуса. В фотоателье — в фотографа. В депо — в диспетчера. У женщины на Калинина — в её кота. Кот был единственный, кто меня понял. Он сказал «мяу». Я сказала «мяу». Мы поговорили.

— А сейчас?

— Сейчас — в вас. — Зеркало помолчало. — Я в вас влюблена. Два дня. С того момента, как вы вошли в подсобку. У вас очки на резинке. Это очень хорошо. Резинка — признак того, что человек всё время теряет очки. Значит, он их **носит**. Значит, он их любит.

Кулибин молчал.

Потом сказал:

— Я не могу жениться на зеркале.

— Я знаю, — сказала зеркало. — Я не настаиваю. Я просто говорю. Мне очень важно, чтоб мне **говорили**.

— Я тебе буду говорить, — сказал Кулибин.

— Правда?

— Правда. Пока ты в моей квартире — я тебе буду говорить. Каждый вечер. Две минуты. Как дела на работе. Что я делал. Что у нас в отделе

— Спасибо, — сказала зеркало. — Можно я это расценю как предложение?

— Как **договор**, — сказал Кулибин.

— Договор — тоже хорошо. — Зеркало помолчало. — Спасибо, Николай Петрович.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Вы его говорили вчера. — Зеркало помолчало. — По телефону. Я слышала.

Кулибин снял очки. Протёр. Надел. Посмотрел в зеркало.

В зеркале он был **молодой**. Двадцать три. С сигаретой. Пиджак. Улыбка.

Он посмотрел на себя долго.

Потом сказал:

— Ладно. Живи пока.

Глава 4. Синичкина и барышня

На девятый день Синичкина пришла в парикмахерскую одна.

Она не сказала Орлову. Она не сказала даже Муромцеву. Она зашла в «Милую» в семь вечера, когда салон уже закрылся, попросила у Тамары Феликсовны пять минут, села в кресло и посмотрела в зеркало.

Зеркало посмотрело в неё.

— Здравствуйте, — сказала оно. — Вы пришли поговорить.

— Да, — сказала Синичкина.

— Не как следователь.

— Нет.

— Как женщина.

— Как женщина.

Зеркало помолчало. Оно заговорило тише — мягче, чем обычно, более по-настоящему.

— Хотите, я вам скажу, что вы хотите услышать?

— Нет, — сказала Синичкина. — Я хочу услышать то, что вы хотите сказать.

— Хорошо, — сказала зеркало. — Тогда вот.

Оно сказала:

— Вы хороший следователь. Вы это знаете. Вас это радует, но не утешает. Вам двадцать девять. Вы работаете восемь лет. Вы — единственная женщина в отделе, который занимается нечистью. Вы пришли сюда, потому что вам было интересно. Вы остались, потому что вы **своих не бросаете**. Вы никогда не влюблялись по-настоящему. Один раз чуть не влюбились — в институте. В мальчика. Мальчик вас не заметил. Вы тогда сказали себе: «ну и ладно». И с тех пор вы это повторяете раз в год. В марте. Вы плачете в марте. Один раз. Обычно в троллейбусе.

Синичкина смотрела в зеркало.

— Как вы это узнали?

— Я зеркало, — сказала зеркало. — Я **всёзнаю**. Вы не первая, кто пришёл ко мне поговорить. Вы восьмая за сто тридцать лет. Я помню каждую. Одна приходила в тысяча восемьсот девяносто четвёртом. Одна — в девятьсот восьмом. Одна — в сорок седьмом. Одна — в семьдесят первом. Одна — в девяносто первом. Одна — в две тысячи втором. Одна — в

две тысячи восемнадцатом. Вы — восьмая. Все вы приходите за одним. За тем, чтобы кто-то сказал: **«вы правы»**.

— И что вы говорите?

— Я говорю всем одно. — Зеркало помолчало. — Вы правы. И вы не одни. Это очень старая фраза. Ей сто тридцать лет. Её ещё в Венеции говорили. Но её невозможно перевести на другой язык. И невозможно выговорить вслух. Только **в зеркало**.

Синичкина сидела в кресле.

Она смотрела в зеркало.

Она **не плакала**.

Она просто очень долго молчала.

Потом сказала:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — сказала зеркало. — Кстати, вам действительно идёт пучок. Просто **другой**. Сейчас у вас пучок «я на работе». А надо пучок «я дома». Поймите разницу. Это всё.

Синичкина встала.

Она посмотрела на зеркало ещё раз.

Потом сказала:

— А ваш муж?

— Какой?

— Тот, с которым вы хотите выйти замуж. Вы его нашли?

Зеркало молчало.

Долго.

Потом сказала:

— Нет.

— За сто тридцать лет?

— За сто тридцать лет, — сказала зеркало. — Я влюбляюсь в каждого. Но выйти замуж — трудно. Потому что я — зеркало. Во мне есть **другая сторона**. Люди боятся. Даже тот, кто говорит «люблю». Потому что за зеркалом — не я. За зеркалом — **зеркало**. И люди это чувствуют. Все, кроме одной.

— Кого?

— Одной женщины. — Зеркало помолчало. — Она жила на Пожарной, 4. Она пришла ко мне в тысяча девятьсот девяносто первом. Она сказала: «Я тебя не боюсь». Я сказала: «Я тоже». Мы поговорили. Она ушла. Она умерла в две тысячи девятнадцатом. Одна. Я всё ещё её помню.

Синичкина тихо сказала:

— Мне жаль.

— Мне тоже, — сказала зеркало.

— Я приду ещё, — сказала Синичкина.

— Приходите, — сказала зеркало. — Я здесь. Пока здесь.

Глава 5. Две недели

На пятнадцатый день Орлов пришёл в парикмахерскую один.

Зеркало висело где висело — на стенке, криво.

Оно сказало:

— Вы пришли забрать.

— Нет, — сказал Орлов. — Я пришёл поговорить.

Зеркало помолчало.

И сказало:

— Поговорим.

Орлов сел в кресло.

Он снял пиджак. Повесил на спинку. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Так лучше, — сказалo зеркало.

— Знаю, — сказал Орлов.

— Я вас слушаю, — сказалo зеркало.

Орлов помолчал.

Потом сказал:

— У нас в отделе есть сотрудница. Синичкина. Она вас навещала. Четыре раза. За две недели.

— Пять, — сказалo зеркало. — Она приходила ещё вчера. Поздно. Мы говорили про пучки.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Пять. Я знал. Я просто хотел, чтобы вы сказали.

— Зачем?

— Затем, — сказал Орлов, — что я хочу понять, что вы ей даёте. Не в плохом смысле.

В хорошем. Она за две недели изменилась. Она стала носить другой пучок. Она стала **говорить** больше. Раньше она записывала в блокнот. Теперь — иногда записывает, а иногда — просто говорит. Это новое. Я хочу знать, откуда.

— Я ей ничего не даю, — сказалo зеркало. — Я ей **говорю**. Одно и то же. Каждый раз. Три слова. «Вы не одни». Всё.

Орлов смотрел в зеркало.

— Три слова?

— Три слова, — сказала зеркало. — Она приходит. Садится. Смотрит. Я говорю. Она молчит. Она уходит. Через день приходит снова.

— Почему?

— Потому что, — сказала зеркало, — в первый раз она мне не поверила. Во второй — задумалась. В третий — я сказала то же самое. В четвёртый — она **услышала**. В пятый — она пришла **просто так**. Это и есть результат. Я больше ничего не делаю.

— А если бы вы ей ничего не говорили? — спросил Орлов.

— Тогда бы она не пришла в пятый раз, — сказала зеркало. — И не носила бы другой пучок. Это не мелочь, Александр Иванович. Это **важно**. Про пучок. Я это серьёзно.

Орлов молчал. Зеркало молчало тоже.

Потом Орлов сказал:

— Я пришёл вас забрать.

— Я знаю.

— Не сегодня.

— Я знаю.

— Я хочу предложить другое.

— Слушаю, — сказала зеркало.

Орлов помолчал. Потом сказал так, как он умел говорить только в таких случаях — ровно, тихо, без нажима:

— Вы можете остаться в городе. Не в подсобке. Не в антикварке. **В городе**. Мы с Вероникой Львовной поговорили. Мы с Тamarой Феликсовной поговорили. Мы с Кирилловым поговорили. У нас есть место. **Музей городского быта** — новый отдел. Открывается в декабре. На Гагарина, 15. Там будет экспозиция «Предмет и память». В ней три истории: дом на Пожарной, 11, типография на Заводской, 7 и **вы**.

— Я?

— Вы, — сказал Орлов. — Не как экспонат. Как **смотритель**. Вы будете стоять в зале. В зеркальном шкафу. Вам дадут место, где вы сможете говорить с посетителями. Каждый день с десяти до восемнадцати. Через день. С перерывом. И выходной в понедельник.

Зеркало молчало долго.

Потом сказала:

— Это шутка?

— Нет, — сказал Орлов. — Это решение городской комиссии. Согласовано. Уже подписано. Я лично не подписывал — юридически. Подписал Кириллов. Как по Пожарной. Как по типографии. С тех пор я всегда с ним согласовываю то, чего больше нет.

— Значит, я больше не буду стоять в подсобке, — сказала зеркало.

— Нет.

— Значит, я буду стоять **не одна**.

— Да.

— Значит, ко мне будут приходить.

— Каждый день.

Зеркало заговорило тише:

— А Синичкина?

— Она в отделе. Она будет приходить. Так же. Пять раз за две недели.

— А Кулибин?

— Он тоже. Он вам будет звонить. У вас будет телефон. Он будет рассказывать, как дела на работе. Две минуты в день. Он обещал.

— А вы?

— Я, — сказал Орлов, — буду заходить раз в месяц. Проверять. У вас будет **куратор**. Из отдела. Один. Каждый месяц. По очереди. Кто-нибудь.

— Спасибо, — сказала зеркало. И оно сказала это **очень тихо**, совсем не так, как говорило всё до сих пор. Тон у него изменился. Тон стал **настоящим**.

Орлов встал. Надел пиджак. Застегнул пуговицу.

— Одно условие, — сказал он.

— Какое?

— Никаких пророчеств. Никаких свадеб. Никаких советов мужу и жене. Никаких «другой муж». Музей — это не брачное агентство.

— А если кто-то **сам**спросит?

— Если кто-то сам спросит — отвечайте. Но только чисто по делу. Про причёски. Про платья. Про то, что у человека в доме. Не про инженеров из трамвая.

— Хорошо, — сказала зеркало. — Про трамвай молчу.

Орлов пошёл к двери.

Он остановился на пороге. Обернулся.

— Барышня.

— Да.

— Спасибо. За Синичкину.

— Это не я, — сказала зеркало. — Это **она**. Она просто **пришла**. И этого хватило.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Принято.

Он вышел.

ЭПИЛОГ. Музей на Гагарина, 15

В декабре музей городского быта открылся.

Это было небольшое здание на Гагарина, 15 — двухэтажное, кирпичное, с табличкой «ОСНОВАН В 1879 ГОДУ». Раньше в нём была швейная мастерская. Потом склад. Потом ничего. Теперь — музей.

В первом зале — дом. Макет дома на Пожарной, 11. Наличник. Труба. Резьба — «солнце, волна, колос». Рядом — фотография крыльца с котом и домовым. Две кружки. Тетрадь в клетку — под стеклом. И табличка: «*Реальный объект. Сохранён в 2024 году.*»

Во втором зале — типография. Линотип из настоящей типографии — передан в дар. Свинцовые литеры. Ящик с набором. Одна отдельная ячейка — третья сверху, третья слева. В ней — литера «Ъ». Отдельная табличка: «*Найдена в 2024 году.*» Рядом — тонкая книга в коленкоровом переплёте, на подставке, открытая на последней странице. Последняя запись: «*Тираж — две тысячи двести. Последний. Автор — А. А. Акимов.*»

Третий зал — маленький. Полутёмный. В нём стоял зеркальный шкаф. Простой, старый, ореховый. Внутри — зеркало в венецианской раме.

Зеркало жило.

В первый день открытия пришли все. Орлов. Синичкина. Муромцев. Кулибин. Дроздов. Дракон. Громобоев. Аким с папой. Никита Прокопьевич. Вероника Львовна. Кириллов. Пришёл даже водитель троллейбуса Вася — он привёл свою жену, они недавно поженились, жена была с «другим каре».

Зеркало встречало каждого.

Оно говорило Синичкиной: «Здравствуйте. Причёска — то, что надо».

Оно говорило Кулибину: «Николай Петрович, как дела на работе?»

Оно говорило Муромцеву: «А где кот?»

Муромцев сказал: «Кот с нами. Он на входе. Он не любит зеркала».

Зеркало сказала: «Приведите его. Мы с ним поговорим».

Муромцев привёл кота.

Кот вошёл в зал.

Он сел перед зеркалом.

Он посмотрел на себя.
Он посмотрел внутрь.
Зеркало сказала очень тихо:
— Здравствуй.
Кот ничего не сказал.
Он просто **сел рядом**. Сел рядом со шкафом. И остался.
Он сидел там двадцать минут. Как будто говорил. Как будто слушал.
Потом встал. Пошёл к выходу.
Зеркало сказала:
— Спасибо.
Кот не обернулся.
Но хвост у него на секунду — только на одну секунду — **дёрнулся в сторону зеркала**.
Это у него означало «пожалуйста».
Через неделю после открытия в третий зал пришла девушка.
Она вошла, села напротив зеркала, посмотрела на себя в него, и ничего не сказала.
Зеркало молчало.
Девушка молчала.
Так они просидели пять минут.
Потом зеркало сказала:
— Вы не одна.
Девушка заплакала.
Зеркало молчало.
Девушка плакала.
Потом сказала:
— Спасибо.
— Пожалуйста, — сказала зеркало. — Кстати, вам идёт каре.
Девушка улыбнулась.
Она встала. Она пошла к выходу.
Она обернулась.
— А какой?
— **Другой**, — сказала зеркало.
Девушка кивнула.
Она вышла.
Зеркало осталось одно.
В нём отражался зал. Портреты. Витрины. Тишина.
И — тонкая золотая нить. Та же самая, что в деле 9. Та же самая, что в деле 10. Тонкая золотая нить, которая шла от зеркала — **через город** — до самого отдела номер семь.
Она была тонкая.
Но она была.
В отделе номер семь на подоконнике стояли горшки.
Герань. Дубок. Клён. Склянка с солёной водой. Банка с речной галькой. Росток в террактном горшке. Росток в жестяной банке. И — совсем новое — **маленькое зеркальце**. Простое, в тонкой металлической рамке. Поставленное на подоконник.
Никто его не ставил.
Никто не знал, откуда оно взялось.
Кроме Тимофея.
Тимофей сидел рядом. Смотрел в него. Внимательно. Как всегда.
На этот раз — в зеркальце отражался **он сам**. Уши. Глаза. Серьёзная морда.
Он сидел долго.

Потом отвернулся.

Отвернулся **спокойно**. Впервые за серию. Спокойно, как человек, который знает: всё в порядке.

Орлов подошёл.

Посмотрел на зеркальце.

Посмотрел на кота.

— Тимофей.

Кот не отреагировал.

— Откуда зеркальце?

Кот не отреагировал.

— Тимофей.

Кот медленно повернул голову.

Посмотрел на Орлова.

— Ладно, — сказал Орлов. — Принято.

Он открыл шкаф. Поставил на полку новую папку: «Дело 11. Гагарина, 3. Зеркало, барышня, музей».

Закрыв шкаф.

Следующая папка — **пустая**— уже лежала в шкафу. Орлов посмо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.